и лавченка», вел торговлю вином.[7] В 1658 г. «гостиной сотни Ивану Болотово» выдано из казны для продажи «тритцать ведр вина».[8]

Не принадлежала ли к семье этого нижегородского торгового человека Ксения Болотова? Отец ее, Артемий Болотов, мог быть младшим братом Ивана, за которым значилось хозяйство, а потому и не попал в платежные документы и в нижегородскую переписную книгу 1678 г., учитывавшую лишь налогоплательщиков.[9] Из письма же отчетливо видно, что Ксения была не только «дщерью духовной» Аввакума, но и одним из его состоятельных «доброхотов», помогавших ему материально. Посланные ею протопопу десять рублей для XVII в. были немалой суммой. И это, надо полагать, была не первая посылка с ее стороны.

Письмо Аввакума к Ксении Артемьевне Болотовых отличается по форме и по настроению от письма его к царевне Ирине Михайловне Романовой. Если в письме к царевне протопоп выступает смиренным просителем, то здесь он заботливый учитель, наставник, разъясняющий своей духовной дочери догматы веры. Там он просит благословения, Ксении же сам посылает его. Письмо к ней построено в форме деловой, простой беседы, в которой учитель заботится о том, чтобы собеседник усвоил сказанное, письмо же к Ирине Михайловне, хотя тоже содержит элементы беседы, но носит более официальный характер, уснащено цитатами, библейскими и историческими именами как учено-богословский труд. Письма изложены сочным, ярким, выразительным народным языком, который сразу выделяет его сочинения на фоне писаний того времени. Оба письма написаны в Пустозерске в одно время, вероятнее всего и посланы с одним лицом, которое сняло с них копии. Возможно, поэтому они и оказались вместе.

Письмо Аввакума царевне Ирине Михайловне Романовой *

Свет государыня, всегосподованная дево, Ирина Михайловна! Что аз грубый хощу пред тобою рещи, вем, яко мудра еси, дево-сосуд божий, избранный. Благослови поговорить ты у нас по царе над царством со игуменом Христом, игумения, яко же он, надежа наша (*л. 63*), изсек римскою властью любоплотный род еврейский. Подобает, государыня, и здесь любоплотным по тому же уставу быть. Не страша же глаголю, но предлагаю законопреступникам збывшееся издревле во Израили. Егда в законе поблядят, тогда и разорение, егда же обратятся ко господу богу, тогда им милость и ужитие мирно и безмолвно. Но виждь, предобрая, что над собою и греки учинили, ко псу (*л. 63 об.*) ездя, на Флоренском соборе, истиннее рещи на сонмище жидовское, руки приписали, Мануилович с товарищи, что наведе греческой державе? Помнишь ли, свет, реченное или запамятовала? Ну ино я препомню.

Тому лет з двести семьдесят с лишком, варвар, Бахмет турской, взял Царьград и брата Мануиловича Констянтин не коснел, Христос, скоро указ учини. Блюдусь и трепещу. Та же собака (*л. 64*) заглядывает и в нашу бедную Росию. Мнит ми ся по греческому же уставу ступает, малу

---

[7] Действия, т. XV, в. VI, стр. 61; см. также: в. IV. Нижний-Новгород, 1913, стр. 35; РИБ, т. 17. СПб., 1898, стлб. 385—886 (Нижегородская переписная книга 1678 г.).

[8] Действия, т. XVI, в. II. Нижний-Новгород, 1913, стр. 154.

[9] В книгах Печатного приказа (ЦГАДА, ф. 233) — № 67 (1653 г., л. 373), № 113 (1663 г., л. 393 об.) — упоминается гроховецкий помещик служилый человек капитан Артемий Болотов, но имеет ли он отношение к данной семье Болотовых — сказать трудно.

* *Заглавия писем принадлежат публикатору.*